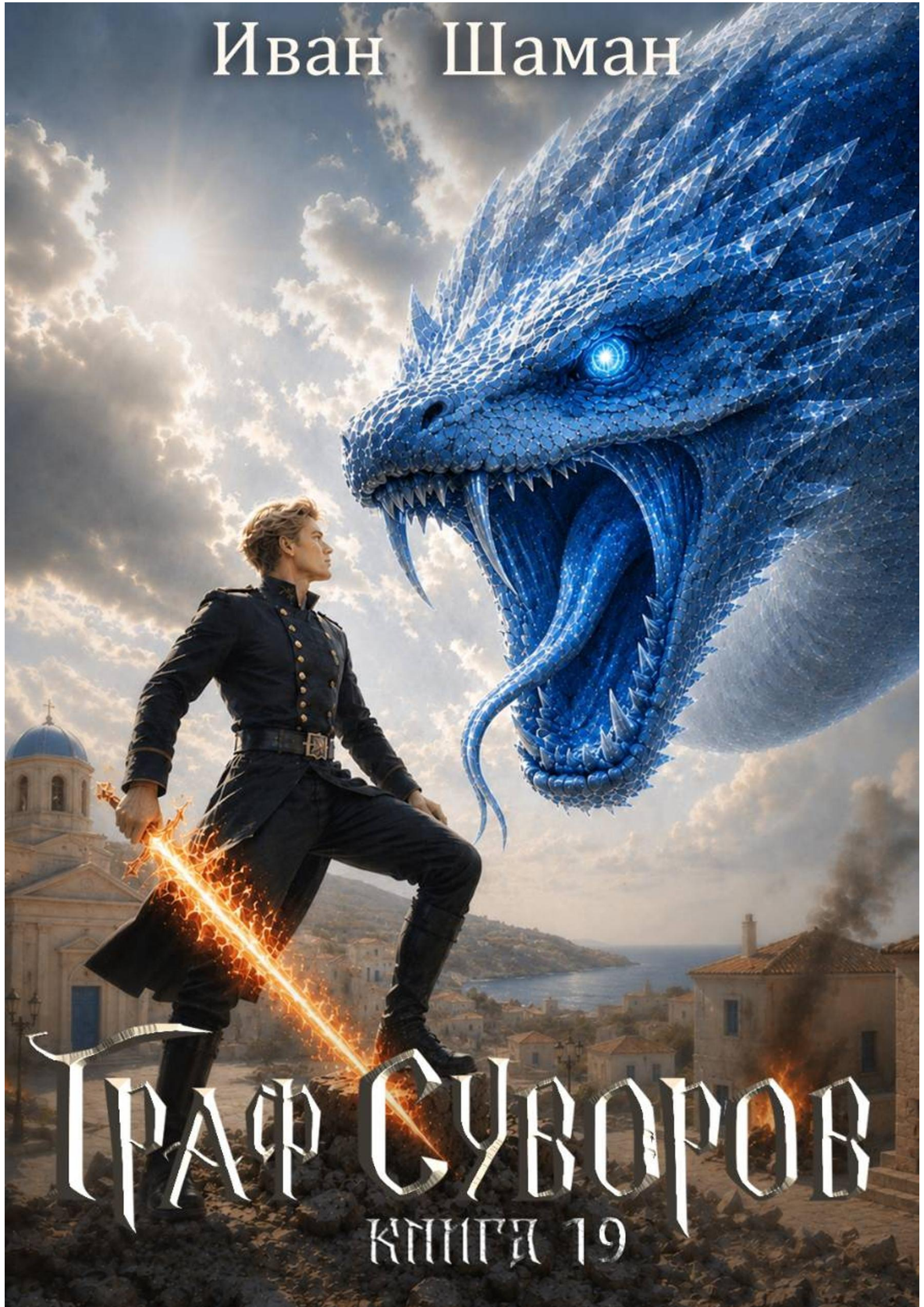

Иван Шаман

ГРАФ СУВОРОВ
КНИГА 19

Иван Шаман

Граф Суворов. Книга 19

«Иван Шаман»

2026

Шаман И.

Граф Суворов. Книга 19 / И. Шаман — «Иван Шаман», 2026

Пожиратель уничтожен, но его отпрыски заполонили землю. Но победа над чудовищем едва не стала началом новой катастрофы. Резонанс ослаб, привычный мир рушится на глазах, а великие державы спешно готовятся к новой эпохе. Одни пытаются вернуть утраченное могущество, другие строят союзы, способные изменить судьбу человечества. Императору Александру Суворову предстоит удержать страну на грани кризиса, восстановить армию, сохранить единство империи и подготовить новое поколение защитников. Вот только старые враги никуда не исчезли, а за океаном пробуждается угроза, рядом с которой все прежние битвы могут показаться лишь прологом.

© Шаман И., 2026

© Иван Шаман, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19

Иван Шаман

Граф Суворов. Книга 19

Глава 1

Глава 1

— Мы должны немедленно покинуть Стамбул! Немедленно! — кричал князь Чудьский — Это настоящая международная катастрофа, которая втягивает Россию в войну!

— Нет! Мы должны укрепиться и объявить Константинополь своим! — возражал ему Вяземский-старший. — Это исторический шанс! Никогда ещё Россия не была так близка к полному контролю над черноморской акваторией! Об этом мечтали Пётр и Екатерина Великие! Ни в коем случае нельзя упускать такой шанс!

— Этот шанс обернётся тотальным поражением! Мы обязаны заботиться в первую очередь о гражданах, об интересах людей, — вторил Чудьскому граф Расхожий. — А потом уже мечтать о великом. На нас ополчатся все государства Европы! Так было с крымской кампанией!

— Потому что тогда мы не были достаточно сильны, чтобы справиться с ними. А теперь в состоянии!

— Вы сумасшедший! Вы предлагаете открытую войну! В ней погибнут миллионы! Миллиарды! Людоед!

Споры в Боярской думе не утихали ни на секунду, и в отличие от обычных заседаний, выплёскивались на улицы. Господа, которые раньше орали друг на друга в зале, а выйдя из него, спокойно курили вместе сигары, теперь не прекращали браниться даже при личной встрече где-нибудь в городе.

И это неожиданно остро сказывалось на простых гражданах. Правда, в кругах широкой общественности про людоедство и любовь к туркам не говорил никто. Но в воздухе висело тяжёлое и зловонное слово «война», а её никто не хотел. Народ разрывало от одновременного осознания, что может случиться одна из величайших и самых желанных побед в истории России, которой добивались веками. И ужаса долгой кровопролитной бойни.

Страх я не разделял, но жертвовать даже одним человеком ради ненужных завоеваний не собирался. Не в человеколюбии дело. Просто понятно, что европейцы хотят связать нас войной на второстепенном направлении, заставить потратить все доступные ресурсы, чтобы не дать конкурировать на равных, а затем добить.

В этом я даже не сомневался. Несмотря на заверения в любви и мире, они продолжали закупать вооружение в немыслимых масштабах. А вместо того, чтобы расположить новые военные части в Испании, находящейся под угрозой африканского Пожирателя, сдвигали их всё ближе к нашим границам.

Оправданий этому не было никаких, так что как бы они ни улыбались, всё было абсолютно прозрачно. Особенно с учётом мгновенной смены ими публичной позиции: то заверяя нас в самых добрых намерениях, то тут же угрожая немедленным поражением в случае начала конфликта.

Одна беда — могли ведь и решиться.

Вот и обсуждали мы происходящее собравшейся мирной партией. Без Суворова, Долгорукого и Морозова. Это не значит, что я не советовался с блоком военных и служивой аристократии, но пришлось развести их на разное время, просто чтобы услышать мнения спокойно, а не в споре, который продолжался и в Думе, и в Собрании, и во дворце. Да что там, до моей спальни доходило, так что приходилось жёнам попеременно рты затыкать.

— Мы должны вывести войска из Стамбула, — тихо, но уверенно произнёс Багратион-старший. — Все агенты говорят о начале движения войск ЕМ от Ангары к старой столице. Объединённая эскадра — в три раза больше, чем наши силы. В случае противостояния мы можем лишиться большей части флота, завязнуть и оголить фланги. Потеряем влияние на всём южном направлении, а то и в европейской части.

— Согласен, — кивнул Рюмин. — Отступить надо, но делать это нужно красиво. Показать населению, что мы не просто сбежали, а добились какой-то своей цели. К слову, предложенное вашим величеством на переговорах возвращение Софийского собора в православное лоно — вполне достойная награда. И громкая.

— Если это будет возможно, мы поддержим такое начинание всеми доступными средствами, — тут же кивнул митрополит Петроградский. — Впрочем, мы поддержим любое принятое его величеством решение.

— Сомневаюсь, что гражданам этого будет достаточно, особенно после тотального разгрома османского флота, — заметила Ангелина, отвечающая за министерство информирования, а по сути — за пропаганду. — Люди искренне уверены, что мы победили и находимся в шаге от захвата всей страны. Уйдём сейчас, без весомых преференций, — они разочаруются, а это уже негативно скажется на всей обстановке.

— Так может, им объяснить, что у нас под боком две вражеских армии, и оставаться в Стамбуле — значит ввязаться в полномасштабную войну, — предложил Рюмин. — Мы и в самом деле можем договориться о том, чтобы получить в своё распоряжение храм Святой Софии. Возвращение его в лоно христианской церкви больно ударит не только по мусульманам, но и по позиции Рима. Возможно, даже вызовет раскол между кардиналами и даст нам сильную переговорную позицию в дальнейшем.

— Сильная переговорная позиция, — с улыбкой повторил Иоанн.

— Иногда этого достаточно, чтобы перевернуть ситуацию в свою пользу, — пожал плечами Рюмин.

— Советуете потребовать от халифа передачу культурной ценности? — на всякий случай уточнил я. — Это будет не худший вариант, тем более что наши войска сейчас разместились на этой стороне пролива.

— Советую начать и завершить переговоры до того, как наши войска покинут город, — кивнул граф Рюмин, развалившийся в кресле скорее от усталости, чем от болезненной слабости. Сеансы терапии не прошли даром и значительно улучшили его состояние. — Но до того, как англичане и французы решатся на открытую войну.

— Хорошие временные рамки. Жаль, что неопределённые, — вздохнул Багратион, покачивая головой. — И уж точно наши друзья не станут колебаться, если придётся применить оружие, а кончится это кровопролитием, которое нам сейчас вообще не нужно. Нам нужен мир, хотя бы ещё пару лет. Да вы и без меня это знаете. Флот не восстановлен, армия не переобучена и не переоснащена.

— Лучше бы обойтись вообще без войны. А османы... Ну хотят англичане с французами их разорвать на куски — пусть занимаются. Это не наше дело, — пожала плечами Ангелина. — Это точно не наша война и не должна ей стать.

— Кхм, — подняв бровь, я посмотрел на супругу. — Дорогая, они меня чуть не убили. Так что война уже наша.

— Тем, кто тебя хотел убить, ты уже отомстил, дорогой, — настойчиво проговорила Ангелина. — Так что мы должны создать повод, показать свою победу и уйти. Чем быстрее, тем лучше. И мне тоже кажется, что возвращение Святой Софии Константинопольской в лоно православной церкви — достаточное деяние, которое можно будет преподнести людям как победу.

— Полностью поддерживаю, — блаженно улыбаясь, покивал Иоанн.

— Ваше величество, хотите рискнуть? — задумчиво посмотрел на меня Багратион.

— Предполагаете, что это не сработает? Мы не сможем получить Софию?

— Как вы решите, так и будет, — пожал плечами, сказал он. — Я буду отстаивать вашу официальную позицию независимо от того, нравится она мне или нет.

— Если бы мне было неинтересно ваше мнение, то я бы и не спрашивал.

— В таком случае я бы сказал, что это в самом деле неплохой шанс на историческое событие. Но стоит подумать над тем, как объяснить людям срочный уход из города, учитывая, что наши западные соперники однозначно включают пропаганду на максимум и будут показывать нас либо трусами, сбежавшими из однозначно выигрышного положения, либо кровавыми захватчиками. Третьего не дано.

— Жаль, что нам приходится ещё и на это отвлекаться, — вздохнула Ангелина. — Но без этого всё, что мы строим, рухнет.

— Итак, Александр Александрович, каков шанс, что мы сумеем получить Святую Софию в качестве, ну скажем, откупных? — спросил я, повернувшись к Рюмину.

— Это будет не так сложно, ваше величество. Правда, перед этим нужно будет выложить план-максимум, чтобы было с чего торговаться. Предложить дохлую собаку, которая никому не нужна, как некоторые это называют, — улыбнулся Рюмин. — Я бы сказал, что начнём мы с требования контроля над всем Стамбулом, потом отступим и сойдёмся на одном старом городе вместе с Софией. А после шантажа и торга отступим до одного собора.

— Это будет выглядеть как поражение, — поморщившись, проговорила Ангелина.

— Поэтому мы сделаем переговоры полностью закрытыми, а любые утечки будем отрицать или оставлять без комментариев, — ответил Рюмин.

— Вы же понимаете, что их это не остановит? — фыркнула лисонька. — Даже если их дипломаты клятвенно пообещают соблюдать деловой этикет и не выносить обсуждение за рамки переговорной группы, они тут же будут сливать, что им выгодно, или вообще придумывать факты, распространяя абсолютную ложь.

— А нам не всё равно? — поднял бровь Рюмин. — Собака брешет, караван идёт.

— Не то время, чтобы отговариваться старыми поговорками, — покачала головой любимая жена. — Вы же сами знаете наших либералов и народовольцев, они найдут повод пострадать. А если не будет повода, залезут в иностранные СМИ.

— Да только поводов хватает, — между прочим заметил Багратион. — Не хочу сказать, что не согласен, но дворянская реформа задела слишком многих. Как и изменение налогового кодекса и права наследования. Так что искать долго не придётся.

— Это было необходимо, — сухо ответил я.

— Не спорю, ваше величество. Как я и сказал — понимаю и согласен. Но людей в этом не убедить, — осторожно пошёл на попятную князь. — Постоянно возникают перегибы на местах. Одно только лишение несовершеннолетних наследников Лапиных дома чего стоит.

— С этим уже разобрались и осветили в нужном ключе, — заметила Ангелина.

Увы, своими реформами я и в самом деле многих отвернул от престола. В первое время во мне говорило обострённое чувство справедливости, требовавшее восстановить социальные лифты и заставить работать дармоедов, которые просто сосут из государства и населения кровь, ничего не давая взамен.

Вот и продал тогда через Петра и молодёжную партию ряд законопроектов, отбирающих у рантье и потомственных дворян их недвижимость, если те не работали на государство и не служили. С боярами было чуть сложнее: с одной стороны, большая их часть подсуежилась в начале прошлого века и теперь были одарёнными. А все одарённые — военнообязанные без ограничений. С другой, за ними оставалось достаточно силы и влияния, чтобы аналогичный закон не прошёл Думу.

Так что среди дворянства многие желали мне поскорее отойти от государственных дел. Вот только явного лидера оппозиции пока не было. Мария постаралась, несколько раз страв-

ливая почти договорившиеся группы влияния. Те мелкие кружки по интересам, которые оставались, никакого реального влияния не имели.

Проект строительства новых городов на открывшихся от вечной мерзлоты территориях тоже оказался спорным. Мы получали до пятнадцати процентов новых, пригодных для жизни земель. Вот только на бумаге всё было куда привлекательней, чем в реальной жизни.

При таянии почвы проседали, образовывались провалы, заполняемые дождевой водой, ускоряющей вымывание и без того бедной почвы. Выделялось гигантское количество парниковых газов, метана и застрявших в мерзлоте бактерий. Туда бы лес высадить и оставить лет на сто-двести, чтобы он переварил всё и нормализовал почву. А пока выгоды от новых территорий выглядели весьма сомнительными.

Да, мы придумали, что разводить и что сажать в таком климате, как можно даже эти земли ввести в сельскохозяйственный оборот. Благо температура поднялась, рыба себя чувствовала прекрасно, и целый ряд растений рос на дармовой воде и при отсутствии конкуренции не по дням, а по часам. К тому же открылось множество ранее закрытых месторождений. Но...

Там всё ещё было куда менее комфортно, чем на юге России и даже в средней полосе. Полный раздрай с инфраструктурой сделал строительство супердорогим, даже если вначале проводить дороги, а потом уже вести по ним технику для городов и посёлков. Да ещё и контроля это требовало не в пример больше.

Будь я коммерсантом, сказал бы, что это экономически нецелесообразно. Но я думал на десятилетия. По крайней мере, на моё правление, которое я рассчитывал долгим и плодотворным. А люди привыкли к другому. И граждане, скептически относящиеся к национальным проектам, за прошлые десятилетия, не раз оказывавшиеся пшиком. И бояре, воспринимающие их исключительно как средство заработка.

Так что мой плотный контроль над северными проектами оказался для многих неприятным сюрпризом. Даже министра промышленности Лазарева пришлось одёргивать. Больше ста видных дворян получили значительные штрафы, за некачественно проведённые работы. Парочка даже лишилась земель, изъятых в пользу казны.

И ладно бы проект оказался успешным, но пока, кроме города-приюта Надежда, ни одного нормально функционировавшего северного поселения сделать не получилось. Как я уже упоминал, люди не верили в рекламу и пропаганду. Привыкли, что север – это только экстремальный холод и высокие зарплаты, совершенно не воспринимая перспективы переезда в нынешних условиях.

В результате отношения с богатыми и влиятельными родами, занимавшимися строительством, я существенно подпортил, а вот эффекта пока не добился. Была у меня и пара идей. Вроде того, чтобы попробовать сделать там несколько зон без облачности. Учёные Московского университета мне клятвенно обещали, что такие можно сделать. Какие-то там линзы, которые должны были испарять облака... надеюсь, небесполезный прожект и выкачивание грантовых денег.

Как верно заметил Багратион, перегибы на местах тоже случались. Самым ярким примером последних месяцев стал случай Лапиных, мелкого дворянского рода. Трое детей, бабушка и оба родителя, погибших на Рубеже. Официально они не состояли на государственной службе во время боёв, пошли добровольцами, а выслуги лет у них у обоих оказалось недостаточно. Так, у детей героев, в строгом соответствии закону, чуть не отобрали старинный и весьма обветшалый особняк.

Я бы и не узнал об этом, не поднимись столь громкого скандала, так что в некоторой степени я даже был благодарен раздувшим истерику в СМИ журналистам. Чиновники, решившие таким образом получить себе повышение, вместо этого словили понижение и строгий выговор с занесением в дело. Не волчий билет, но близко. А главное, особняк отремонтировали за мой счёт, так что теперь у детей будет нормальное жильё. Хотя родителей это им не вернёт.

И это было главным аргументом, чтобы не начинать войну с Единой монархией и Людовиком с его прихлебателями, не плодить вдов и сирот, которых и так хватало после смуты, нескольких мятежей, сепаратизма Сибирского ханства и открытия Варшавской зоны. Что бы я ни сделал, погибших не вернуть. И единственное, что я мог, как правитель, – принять удар на себя и держать государство как можно дальше от войны.

Поэтому я решил провести переговоры. К тому же у Суворова с Морозовым не нашлось, что на это ответить. Моя партия Войны тоже не хотела конфликта прямо сейчас. Была морально готова, местами даже рвалась в бой, но желательно на чужой территории, без потерь и быстро.

Неожиданностью стало то, что обычно происходило по вине наших западных соперников – массовые народные выступления на третий день переговоров. И ладно бы против присутствия российского флота... Это было бы закономерно и предусмотрено: одиночные пикеты и даже небольшие толпы регулярно приходили к площадям, занятым нашими судами. Но чтобы такое...

— Свободу Турции! Свободу гражданам! Нет иностранной оккупации! — скандировали через громкоговорители главы манифестации, и десятки тысяч людей повторяли эти крики. Толпа охватывала большую часть юго-западного побережья Стамбула, заполонив узкие улочки и широкие проспекты.

— Видите? — мрачно поинтересовался Мирослав, переводя камеру чуть в сторону. — Они собираются прямо у наших позиций. Охрана с трудом сдерживает их напор, не позволяя проникнуть к судам.

— Ставьте щиты и прессы, чтобы оттеснить их без лишних жертв, — предложил я.

— Так и делаем, ваше величество. Да только их столько, что конструкторы начинают лопаться, даже корабельного класса. Но хуже всего не это... — по его команде перископ судна сместился, показав мне стоящие чуть в стороне бронетранспортёры английской постройки. — Полиция Стамбула. Вооружены, но пока пассивны. Надолго ли – вопрос.

— Ведите тщательную видеосъёмку и постоянную трансляцию. Постарайтесь избежать провокаций, — прокомментировал Багратион, тоже подключённый к вещательному каналу. — Это может быть просто совпадение, а может, продуманная многоступенчатая диверсия с целью сорвать переговоры.

Они как раз сейчас проходили в Ангаре, и Рюмин даже докладывал о позитивном тренде и достижении каких-то точек пересечения позиций. Но о подписании документов пока даже речи не шло. То, что с нами за один стол сели сыновья халифа и министры, в таком щекотливом деле уже успех.

— Уже выяснили, кто является лидером протестов? — уточнил я, глядя на толпу.

— Ваш старый знакомый, Энвер аль Алдан. Доказать причастность Бекира-паши пока не представляется возможным, но деньги у протестующих есть и не малые. Плакаты отпечатаны, как и баннеры с лозунгами, — ответил Багратион. — Громкоговорители, охрана – всё это тоже не бесплатное. Но они как-то раздобыли.

— Какие угрозы это может вызвать для нас?

— Принципиально – никаких. А вот переговоры осложнит. Как бы не случилось так, что нас обвинят в их поддержке, — прокомментировал Леонид.

— Пускай себе, — ответил Мирослав. — С толпой мы совладаем. Два часа назад в город прибыл крейсер «Невский», с братьями ордена Александра и капелланами на борту. Они уже должны вставать в оцепление. Вот, нашёл. Кхм...

— Да, это, пожалуй, перебор... — мрачно бросил я, глядя на чёрные резонансные доспехи с крестами на спине и груди.

Гиганты, возвышающиеся над толпой, несли в руках ростовые щиты, способные выдерживать не то что выстрел из ручного оружия, а попадание снаряда малокалиберной пушки.

Хорошо хоть пулемёты оставили на борту своего крейсера, правда, на поясе у каждого болтались проводящие клевцы. Страшное оружие: с одной стороны – клюв, с другой – чекан. В середине века такими убивали рыцарей. В наше время они нужны были почти для того же: при подаче силы в рукоять они генерировали на лезвиях тонкий контур резонансного щита. Этого хватало, чтобы пробить лёгкую бронетехнику и механизированные доспехи.

Впрочем, прежде, чем схватиться врукопашную, такому бойцу нужно было потерять гранатомёт, крупнокалиберный пулемёт, трёхзарядный штурмовой револьвер и пробиться через конструкты к другому такому же уникаму. Но во время абордажа каких только ситуаций не возникает, а стихийное оружие есть далеко не у всех. Даже я бы сказал – у единиц. Вот и использовали такие хитрые приспособления.

— Православные крестоносцы в Стамбуле, — мрачно проговорил Мирослав, качая головой. — Что-то мне не кажется это хорошей идеей.

— Уберите их с глаз долой, — приказал я. — Мы и так на чужой территории, не хватало ещё чтобы...

Договорить я не успел. Где-то в толпе вспыхнул огонёк, и десяток братьев среагировали, как учили: мгновенно оставили резонансные щиты, откинув людей назад. И если бы они были целью провокаторов, всё прошло бы нормально, никаких повреждений никто бы не получил. Но бутылка с зажжённой тряпкой, торчащей из горлышка, описала дугу, пролетела мимо позиций флота и с глухим звоном грохнулась в борт полицейского броневика.

— Врубить сирену и подавление! — рявкнул Мирослав, рухнув в капитанское кресло и активируя конструкт.

Опустившийся на толпу пресс заставил людей повалиться на плитку. Вот только произошло это не мгновенно, и этой секунды хватило, чтобы усугубить ситуацию. Полицейские выхватили укороченные пистолет-пулемёты и открыли огонь по толпе широким веером.

— Всем лежать! Никому не двигаться! — скомандовал Суворов, и наконец пресс прижал всех к земле.

Не знаю, что было у этих придурков в мозгах, но один из полицейских, выворачивая руку вдоль мостовой, зажал спусковой крючок. Очередь прошила головы нескольких лежащих неподалёку горожан. А следом вспыхнул броневик, по которому всё же попали. Будто этого было мало, в здании напротив крейсера открылось окно, и оттуда высунулось толстенное дуло пушки.

Системы ПСО сработали идеально. На чернеющий проём навелось сразу несколько башен противоснарядной обороны. А когда там вспыхнуло, в ответ ударили плотные очереди... прошившие и стрелка, и его оружие, и дом насквозь. После чего тот начал обрушаться прямо на мостовую, где лежали люди.

— Твою же мать... — выдохнул я, видя, как быстро ситуация выходит из-под контроля, а мирная демонстрация оборачивается сотнями жертв.

— Нужно улетать, ваше величество! Немедля! — крикнул Багратион. — Это уже не бескровное удержание территории. Это расстрел граждан другой страны. Нам этого не простят, и ни о каких переговорах речи уже не идёт.

— Хорошо, уходите, — согласился я, понимая, что из Петрограда ничего не смогу сделать. Как и Мирослав. Разве что начать полномасштабную операцию вторжения, тем самым гарантировано развязав войну.

— Есть! — с готовностью кивнул Суворов. — Всем войскам, немедленно вернуться на борт! Бегом! Закрепиться...

Пока адмирал отдавал приказы, на камерах развернулась кипучая деятельность. Отряды сворачивались в строгом порядке, не позволяя панике взять верх. Отходили грамотно, прикрывая друг друга.

Но не все. Группа в чёрных доспехах развернулась и плотной колонной, укрывшись за щитами, двинулась прочь от кораблей.

— Бойцы ордена Александра Невского, немедленно вернитесь на корабль! Это приказ. Немедленно! — чуть не проорал Мирослав, понимая, что происходит какая-то чертовщина.

— Говорит старший брат-капеллан отец Иерихант. Мы вас прикроем и заодно защитим от посягательства толпы собор Святой Софии. Можете улетать, — проговорил тяжёлый, уверенный в своей правоте голос. — Хорошего полёта, и да пребудет с вами Господь.

Глава 2

Глава 2

— Связи с ними нет, — коротко бросил радист.

На мостике слышались матюки, потому что прямо сейчас первая сотня братьев-капелланов раздвигала прессами толпу и оттесняла её с площади от храма Святой Софии. В них летели бутылки с зажигательной смесью, стреляли из охотничьих ружей и пистолетов, но те словно не замечали.

— Ваше величество, что нам делать? — спросил Мирослав, отдавая себе отчёт, что юный император вполне может ошибаться. Но брать на себя такой груз, как начало войны, он не желал. Как и бросать сотню хорошо подготовленных одарённых. Оставить их сейчас — значит объявить вне закона. Какое-то время они ещё будут сопротивляться и против толпы сумеют продержаться хоть неделю. Но потом...

— Взлетайте, — мрачно проговорил я. — Митрополита Иоанна ко мне...

Не вовремя он начал свою игру, ох не вовремя. Даже если руководствуется самыми благими намерениями.

— Митрополит не отвечает, секретарь говорит, что он вчера выехал из России, — даже не прикрывая микрофона, сказал Василий.

— Да нет, бред, — нахмурился Багратион. — Не мог Иоанн предать сейчас. Не нужно ему это. Ни одного мотива, ни капли пользы, один вред.

— Куда убыл известно? — уточнил я.

— В Софию, — несколько растерянно проговорил Строгонов, а потом лицо его чуть очистилось. — Не в Константинопольскую, в Болгарскую.

— Леонид? Есть что-то, что я должен знать? — повернулся я к главе внешней разведки, и тот нахмурено пожевал губу. — Если у твоего сына какие-то договорённости с Иоанном, в обход меня и России, и если это сейчас вскроется...

— Да понимаю я всё, ваше величество... — проговорил Багратион. — Вот только не в курсе. Даже если и есть у них совместное предприятие какое — от меня это скрыли.

— Так выясни, потряси своих агентов. Я должен знать, что происходит, — сказал я, повернувшись к экрану. — Мирослав, как там дела?

— Взлетели без происшествий. Штурмовая рота ордена Невского заняла храм Святой Софии и отгородилась щитами, — сосредоточенно глядя куда-то за камеру, ответил Суворов-старший. — Что прикажете делать?

— Не ввязываться в бой, но и не отходить слишком далеко от храма, — подумав немного, решил я. — Им может понадобиться эвакуация и прикрытие с воздуха.

— А если они начнут убивать гражданских? — прямо спросил Мирослав.

— Пока не начали, — отрезал я, впервые жалея, что не послал на эту ответственную миссию Романа. Тот тоже к церкви не слишком хорошо относился, но, по крайней мере, не стал бы принимать самостоятельные решения, противоречащие моим. Старший может, и армия его поддержит. — Если будут какие-либо изменения, вызывайте. Нужно разобраться с митрополитом.

— Понял, ваше величество. Выпустить шары, зависаем! — приказал Мирослав, отключившись. Я же сменил один экран на другой и нажал кнопку вызова, только вместо Рюмина мне ответил князь Преображенский.

— Добрый день, ваше величество, — с поклоном приветствовал меня князь.

— Добрый. Как идут переговоры? — прямо спросил я, не собираясь рассусоливать.

— Что-то произошло? — напрягся дипломат, сразу уловив причину звонка.

— Да, массовая демонстрация за отделение от Османской империи начала бойню против полиции и наших войск, — не стал скрывать я.

— Они отступили?

— Пока в воздухе над городом.

— Слава богу, — выдохнул Преображенский. — До окончания переговоров нам ни в коем случае нельзя уходить из Стамбула. Это наш главный козырь, и отказаться от него сейчас — равно слить все усилия в унитаз.

— Это шутка такая? Нам нужно убрать всех и как можно быстрее... — попытался возразить Багратион, но я остановил его движением ладони.

— Значит, будем висеть над ним сколько потребуется, — произнёс я вопреки возражениям главы внешней разведки. — Разговаривайте спокойно. А если понадобится, то подтянем новые силы из южных регионов.

— О, это отличная новость. Я скажу, что вы распорядились готовить их к защите рубежей, — воодушевился Преображенский. — Сколько вы планируете выставить?

— Три тысячи одарённых пятого ранга и двадцать тысяч солдат в поддержку, — прикинув возможные резервы, сказал я. — Этого будет достаточно, чтобы создать угрозу объединённой эскадре.

— Но окажутся оголены наши границы в Малороссии и Крыму, — вполголоса заметил Багратион, но я оставил его слова без ответа.

— Столицу прикроем, остальное — на отрядах местной самообороны, — отрезал я. — Можете сообщить Рюмину. Вверяю вам переговоры.

— Мы вас не подведём, ваше императорское величество, — поклонился Преображенский, и я отключил связь. Затем проверил и отключил вообще все каналы, включая секретарские и министерские.

— Леонид, не хочешь объяснить? — посмотрел я на Багратиона в упор. — Вначале я выясняю, что митрополит уехал, пока будем считать, что не сбежал, в Болгарию. И не от тебя. Затем ты всячески пытаешься увести наши войска из Константинополя, притом что там достаточно мощная группировка, чтобы сдерживать английскую эскадру.

— Вы заблуждаетесь, ваше величество. И в том, что у меня есть какой-то нехороший замысел против вас и России, и в том, что войск Суворова будет достаточно, — покачал головой Багратион.

— Подробнее, — потребовал я, потому что мои выводы никак не бились с его словами. — Это не первый раз, когда вы ведёте свою игру. Так что, даже если она на пользу стране, я хочу знать, что именно вы делаете.

— Как вы верно заметили, ваше императорское величество, это не первый раз, — поджав губы, ответил Багратион-старший. — Разве я давал повод усомниться в моей верности государству? Разве хоть раз сделал что-то, что вышло бы боком стране?

— Твоя служба отцу, верная, но безрассудная, вряд ли пошла бы России на пользу.

— Вы просто не в курсе того, что нам раз за разом удавалось предотвратить, — отмахнулся Леонид. — Несмотря на все старания политиков, несмотря на разлад внутри страны, мы сумели удержать её от развала. От вторжения извне.

— А как же Сибирское ханство? — хмыкнув напомнил я. — Как же нападение на Петроград смешанной эскадры наёмников?

— Ну хорошо, были некоторые провалы, сепаратизм, поддерживаемый нашими врагами. НО! Вторжения не было. Мы сумели его предотвратить и не раз. Раскрыли предателей, уничтожили мятеж в зародыше, — уверенно перечислял Багратион, и чем больше он вспоминал, тем больше у меня в голове складывалось несоответствий. Не потому, что он врал, нет, просто я видел ситуацию под совершенно иным углом.

— Во время вашей самой громкой и успешной операции, по замене боеприпасов у мятежных бояр и дворян во флоте, меня чуть не убили. Многочисленные покушения, пришлось купировать не вашей секретной службе, а моим людям и мне лично. Не говоря уже о провале с бомбой прямо над нами во время бала. А после...

— Вы знаете всё о наших провалах, но понятия не имеете о наших успехах. Потому что наша служба – тихая и неприметная, а если о ней начали говорить, значит, кто-то сильно облажался, — продолжал настаивать Багратион. — Вы сами не захотели знать о наших тайных операциях. И правильно сделали, между прочим.

— Я спрашиваю вас о конкретном событии, прямо сейчас, — постучав пальцем по столу, сказал я. — Рассказывайте.

— Нет, — покачал головой глава внешней разведки. — Можете меня уволить. Если угодно. Но это решение принимается не вами единолично, а кабинетом министров. И пока он будет собираться и вести голосование, всё уже закончится.

— Вы настолько уверены в своих целях и методах, что готовы поставить под угрозу не только переговоры, жизни наших солдат и братьев, но и собственную должность? — мрачно поинтересовался я.

— Никогда не держался за эту должность. Тем более в последние несколько лет. И предлагал освободить её, когда понял, что сын не займёт моё место... а пошёл на повышение, — улыбнулся Леонид. — Наверное, и вправду пора. Внука понянчу, отдохну от праведных трудов.

— Да уж... — проговорил я, откинувшись на спинку кресла. Напугал ежа голой жопой. — Вот только даже если бы я хотел тебя отпустить, не смог бы. Ты глава внешней разведки, который знает слишком много.

— Но сына же отпустил? — пожал плечами Багратион-старший, и мне пришлось задуматься. Выходило, что он везде прав. Почти.

— Что же. По-хорошему не получилось. Но вот ведь незадача... Я могу приказать.

— Не стоит. Честное слово, — поморщился Леонид. — После этого нам в самом деле придётся расстаться. А я, ещё раз напомню, действую строго в интересах страны. Больше того, в интересах вашего правящего дома. Несмотря на возраст и вспыльчивость, вы умны, вы взяли на работу Сан Саныча, хотя он давно вышел на пенсию, подтянули его и послали на передовую. И скажем прямо, у вас нет никого опытней меня.

— Бред, — раздосадовано сказал я, не понимая, что дальше делать.

Стоит ли моё любопытство, моя уверенность в правильности выбранных действий, полкомандной службы внешней разведки перед началом войны? А что, если это уже не моя служба разведки, что, если он работает... ну, пусть будет не на врагов, а на Константина?

Очень фиговая ситуация. Ладно, допустим, я его прогнул, покажу, что именно я хозяин ситуации. А потом окажется, что он был честен и старался удержать всё под контролем, не вмешивая в это меня и семью. Что тогда? Правило «не рассказывай и не придётся врать» не просто так придумали.

— Хорошо. На самом деле мне плевать, что вы задумали, если это на благо страны, — наконец решил я, и Леонид улыбнулся, собираясь подняться с кресла, но я остановил его движением ладони. — Возможно, я не прав, и мои сомнения напрасны. Но я не только оставляю вас на посту, но и не буду больше сомневаться, если вы скажете, то же, что и минутой раньше, при свидетельнице. Нашей няньке.

— Без проблем, я готов, — почти не раздумывая, ответил Багратион.

— Хорошо, — кивнул я и нажал кнопку вызова. — Варвару ко мне.

Монахиня пришла через пять минут, во время которых я перебирал варианты. Иногда слова не имеют никакого значения, но иногда в них вся суть – в точности формулировок и в том, что может под ними скрываться. Самые страшные и жуткие вещи часто прячут под «милосердием», «справедливостью» и «честью».

— Что вы хотите, чтобы я сделала? — уточнила Варвара, не впервые видевшая Леонида и догадывающаяся, чем он занимается.

— Ничего сверх меры. Просто проследи, чтобы он говорил правду и ничего, кроме правды, — ответил я, листая справочник. — Я не стану оскорблять ваше достоинство недоверием или заковырыстыми вопросами – мы поступим честнее и проще.

— Это что? — чуть нахмурился Багратион, когда я повернул к нему экран. — Текст присяги? Но я его уже давал, больше сорока лет назад. И вам клялся в верности после того, как ваш отец освободил меня от обязательств.

— Верно. Но вы не отвечаете на мои вопросы и не хотите сотрудничать, а потому я сомневаюсь в вас. Это... — я показал пальцем на планшет. — Способ избежать дальнейших недоумений.

— Хорошо, — поджав губы, наконец сказал Леонид. — Я князь Леонид Георгиевич Багратион, владетель Тифлиса, защитник Грузии, перед лицом бога и свидетелей клянусь, что буду верой и правдой служить Александру Борисовичу Романову и Российской империи, не жалея живота своего. Ни словом, ни делом, ни бездействием я не стану вредить своему господину, своей стране и своей вере...

— Дословно, пожалуйста, — попросил я, уловив сдвиг в его словах.

— Ни словом, ни делом, ни бездействием я клянусь, что не стану вредить государству Российскому и его монарху Александру Борисовичу Романову, — едва заметно поморщившись, произнёс Леонид.

— Благодарю вас, князь. И простите за этот цирк, — вздохнул я и протянул ему руку. Тот, чуть замешкавшись, всё же её пожал. — Вы свободны.

— Честь имею, — холодно ответил Багратион-старший и вышел.

— Что скажешь? — повернувшись к Варваре, спросил я.

— Он словно медуза, зацепиться не за что. Всё время просачивается сквозь пальцы.

— Работа у него такая, скользкая и противная, — вздохнул я, барабанил пальцами по столу и думая, стоило ли ради такого сомнительного результата ссориться с Леонидом.

— Но мне, кажется, он был искренен, хоть и раздражён до предела, — заметила Варвара. — Если бы вы разрешили мне влезть ему в голову, я, возможно, нашла бы там истинные мысли.

— А заодно узнала бы такое, после чего уже тебе понадобилась бы знатная чистка прекрасной головушки. Нет, не нужно взваливать на себя такую ношу, — проговорил я, прикидывая, что делать дальше. — Спасибо, если ты мне хочешь ещё что-то сказать, говори. Если нет, то я тебя больше не задерживаю.

— Нет, наверное... точно нет, — чуть посомневавшись, сказала Варвара, но уже у самой двери обернулась. — Мне показалось, что он был очень обижен. Но в то же время доволен. Ну или удовлетворён.

— Хорошо. Ступай, — кивнул я и, как только дверь закрылась, нажал кнопку селектора. — Василий, найди мне Тарана.

Царское село, база Сироток.

— Покой нам только снится, — вздохнул Ивель, кладя трубку.

После отъезда заместителя количество дел внезапно выросло, а требования к качеству подготовки никуда не делись. И вот родина опять зовёт. Император бы и хотел сам отправиться в Стамбул, да бросать столицу без присмотра не может. А уж то, что он вместе с супругами и линкором в состоянии защитить Петроград лучше, чем пара сотен братьев ордена, никто не сомневался.

— Через сколько вылетаем? — заметив задумчивость супруга, спросила Ольга. — И в каком составе?

— Ударный крейсер, два звена перехватчиков и наша первая сотня со сменой, — ответил Таран, обняв свою миниатюрную красотку. — Может, останешься дома?

— Это ты пошутил так? — вздёрнув брови и носик, спросила Вяземская. — Чтобы я сидела дома, а ты полетел на передовую?

— Обычно жёны так и делают, — осторожно заметил Ивель. Несмотря на то что он был выше неё на две головы, а сверху него слева направо можно было положить три таких как Ольга, расстраивать её он не хотел. — Я не хочу, чтобы ты подвергалась чрезмерному риску. А что там будет, пока никто не знает. Возможно, начало новой войны.

— И именно поэтому я должна быть рядом и прикрывать твою широкую спину, — улыбнулась Оля и задорно стукнула его своим острым кулачком под рёбра.

— Больно, знаешь ли... — поморщился, едва сдерживая улыбку, Таран.

— Ну так не перечь жене! — фыркнула она, и буряту оставалось лишь надеяться, что с появлением ребёнка его рыжая bestия хоть немного утомится.

Небо над Константинополем.

— Пришёл императорский приказ, черты города не покидать, в бой с населением не вступать, при появлении вражеской эскадры – первыми не атаковать, — зачитал Суворов, чуть поморщившись. — Что скажете, господа офицеры?

— Политические цели, поставленные во главу угла, до добра не доведут, — прокомментировал первый помощник, седой как лунь Иван Давидович Гробовщиков, с которым Мирослав прошёл и огонь, и воду, и медные трубы. — Но приказ есть приказ.

— Так-то оно так, да выполнять его можно по-разному. Можно отодвинуться от площади к окраинам и выбрать там место побезлюднее. А можно висеть прямо над толпой и ждать, что сделают храмовники, — заметил капитан второго ранга, тоже уже не молодой князь Матвей Константинович Голицын. — Они тут главные действующие лица.

— Это пока, но взбаламутили они наше болото знатно, — покачав головой, сказал Мирослав. — Нет чтобы сидеть смирно и не дёргаться...

Толпа внизу бесновалась, то накатывая на резонансные щиты вокруг Собора Софии, то отступая. Лозунги при этом перемешались так, что было непонятно, где призывают немедленно бросить все силы на борьбу с русскими, а где восхвалять свободную Турцию. Про османов же вспоминали и те и другие, недобрым словом.

— Они так могут неделями голосить, — задумчиво сказал Мирослав, глядя на изображение с нижней полусферы, проецирующийся на пол.

— Можно попробовать разогнать их, чуть опустившись, — предложил Гробовщиков. — Поджарятся немного, устанут и разойдутся по домам.

— Пока они там, а мы тут, не такие уж они и раздражающие, чтобы к ним опускаться, — возразил Голицын. — Пусть так и остаётся. Лучше подготовиться к возможной атаке, разослать дозорные суда, поставить зонды.

— Хорошая мысль, — кивнул Мирослав. — Займись.

Ему вся эта спонтанно возникшая демонстрация очень не нравилась. Такие революции не раз и не два вспыхивали по всей границе Российской империи и приводили неизменно к кровавым жертвам и параличу власти. И то, что сейчас это происходит в чужой стране, его ничуть не радовало.

Зря Александр сюда полез, в этот котёл народов и смут. Пусть бы они сами себя сожрали. А город? Ну что же, он не один и не два раза за свою историю переходил из рук в руки, и был столицей нескольких империй. Так что и эту беспокойную суету его тысячелетние камни переживут.

— Судно ДРЛО обнаружило сигнал приближающегося флота. Три, семь, двенадцать кораблей! — вырвал его из мыслей обеспокоенный голос. — Идут прямым курсом на нас. Направление – восток, юго-восток.

— Ну вот и гости. Готовимся, дамы и господа, — с облегчением сказал Суворов. А затем хмыкнул. — Будем исполнять приказ.

— Всем судам полная боевая готовность! Штурмовые шлюзы открыть, корветам готовиться к манёвру перехвата! — поняв его с полуслова, начал раздавать приказы Голицын. — В бой не вступать, шары не убирать, но стволы можно навести и высоту набирайте по полной.

— Вверх, к господу богу, — усмехнулся Гробовщиков. — Давайте, ребята, чтобы стрелять только вниз. Всё выше, и выше, и выше...

Эскадра экспедиционного флота, занимавшая город, начала медленно подниматься, скрываясь в облаках, и только синие точки дюз, да отблески на гигантских шарах напоминали, что они ещё здесь. Ну ещё здоровенные отметины на всех радарх, из-за чего набравшая крейсерскую скорость франко-итало-английская эскадра затормозила километрах в тридцати от города.

Именно такое расстояние могли накрыть орудия главного калибра российской эскадры, благо возвышение было достаточным. А потому офицеры, не получившие прямого приказа вступить в бой, решили не рисковать лишний раз. Маячить на горизонте, раздражать, но не входить в зону поражения.

Сорвиголов у них хватало, и контр-адмирал Карл Виндзор мог пожертвовать парой мелких судов. Но зачем, если приказа не было? Пока что. Они должны были оказать давление, заставить русских суетиться, и они это сделали. Пусть формально точки судов висели над городом, можно было заявить, что они его покинули, уж слишком высоко поднялись. Так что этого пока было достаточно.

Османская империя. Ангара, новая столица халифата.

— ...таким образом, мы можем констатировать, что российские войска находятся в Константинополе в качестве миротворческих сил, — буднично-скучающим тоном говорил Рюмин, перелистывая бумаги. — Но мы готовы обсуждать возможность частичного допуска прежних властей города в те районы, которые не выдвинут кандидатов для самоуправления. Что является гигантской уступкой с нашей стороны.

— Вы, должно быть, шутите? Город и так принадлежит нам, а ваше вмешательство — это ведение агрессивной войны и аннексия! — с, казалось, искренним возмущением возразил представляющий Османскую империю посол. У него даже родители были из Ангары, правда, переехали в Лондон задолго до его рождения, а сам он начал учить турецкий лишь в Оксфорде, когда выбрал специализацию.

— Ну что вы. Согласно резолюции Лиги Наций от прошлой недели, подписанной большей частью делегатов, именно Османская империя пыталась вторгнуться на территорию Российской империи. После чего миротворческие силы... — совершенно невозмутимо начал по которому кругу говорить генеральный консул России. — Действуя строго в рамках...

— Большая часть стран, подписавших вашу резолюцию, уже даже не существует, — едко заметил османский представитель. — А все относящиеся к зоне конфликта проголосовали против.

— Кроме Греции, Болгарии, Хорватии, Румынии, Молдовы... мне перечислять дальше? К османам вопросов накопилось много почти у всех, и не вам говорить об их несостоятельности, — с лёгкой улыбкой ответил Рюмин, после чего учившегося в Англии посла несколько перекосило. — У многих стран к Османской империи есть территориальные претензии. А мы, заметьте, никаких особых требований не выдвигаем.

— Всего лишь просите отдать второй город в стране и одну из главных святынь, мечеть Айя-Софию! — возмущённо сказал настоящий представитель осман, сидящий здесь же. — Вы должны немедленно убраться из нашей страны!

— Уверяю вас, скоро они покинут город. Мне только что доложили, что российская эскадра поднялась в воздух и скрылась в небесах, — победно улыбнулся переговорщик. — Вероятно, они испугались наших объединённых коалиционных сил!

— Ну так попробуйте залететь в охраняемую зону, и мы это быстро выясним.

— Вы нам угрожаете? — прищурился дипломат.

— Ну что вы, просто предупреждаем. Ведь войска, выполняющее миротворческую миссию, являются неприкосновенны, и любое враждебное действие, в том числе неисполнение приказов о соблюдении дистанции... — начал наизусть зачитывать устав Рюмин.

Давалось это легко и приятно, на разум он никогда не жаловался, всегда держа его в тонусе, а теперь и тело соответствовало, благодаря юноше на троне. И сейчас старый дипломат искренне сожалел лишь об одном – о том, что не пришёл ко двору раньше на пару лет.

Глава 3

Глава 3

— Ваше величество, к вам Луиза... — выглянув из своего кабинета, сказал Василий с чуть виноватым выражением лица.

— Только её нам тут для полного счастья и не хватало, — вздохнул я, на несколько секунд всерьёз задумавшись, не сказать ли, что занят.

Девушка у нас почти как своя, живёт в том же крыле, что и Линью с Фатимой. Учитывая их штат слуг, можно сказать, что у нас под боком образовалось женское посольство Китая, Германии и... Ашхабада?

Индийского принца, вместе с его наставником Айю, мы поселили в выкупленном для этого доме на берегу Невы. На тренировки они приходили каждый день, что значительно ускорило прогресс у многих. Но конфликт между странами стал явственно виден на холодных отношениях между Линью и Акбара.

Впрочем, неважно. Как-то умудряются жить, поддерживать связи друг с другом и родной, ходят на занятия и в целом есть-пить не просят. Почти. Хотя денег на содержание охраны и здания в год уходит примерно столько же, сколько стоит построить малый корвет. Но эту проблему проще игнорировать.

Главное – Луиза воспринималась мной как просто подруга и ученица, но при этом не перестала быть принцессой другой державы, со всеми привилегиями и вытекающими из этого проблемами. И игнорировать её запрос на встречу можно, но она, скорее всего, это поймёт. Да только поселив её во дворец, мы тем самым сняли целый ряд процессуальных ограничений.

— Запускай, — махнул я, пытаясь представить, что ещё могла она учудить. В какой-то мере Луиза напоминала мне Машу, вернее, тогда ещё Марию Холодец. Своей целеустремлённостью и прямо декларируемой целью — выйти замуж. Но была в целом значительно мягче и спокойнее.

— Её императорское высочество, герцогиня... — начал было официальную шарманку Василий, как того требовал протокол, но девушка лишь махнула рукой, что было совершенно неожиданно, ведь она сама запросила эту встречу.

— У вас проблемы, ваше величество, — коротко сказала она.

— И тебе добрый день, — ответил я, с мысленным вздохом вспоминая все те свёрнутые окна с отчётами и панорамами с кораблей.

— Я не про юг. Только что брат рассказал мне, что Людовик просит свободный пролёт над Балтикой, — с ходу огорошила меня новостью принцесса.

— Если это попытка привлечь внимание или шутка, ваше высочество, то довольно дурацкая, — холодно сказал я.

— Вы думаете, я опущусь до такого, ваше величество? — глаза Терезы сверкнули, она выпрямила и без того, казалось, прямую спину и выросла на целых... полсантиметра. Как была мне до подбородка, так и осталась, но, учитывая, что я сидел, умудрялась смотреть на меня свысока и метать молнии.

А до меня вдруг дошло, что для Германии передача таких сведений без разрешения императора – почти государственная измена. Хотя я бы поставил на контролируемый слив нужной информации. И всё равно шаг смелый. Чертовски смелый. Который может сказаться на отношении к ней в её семье.

— Прошу прощения, ваше высочество, — чуть поклонился я. — День обещает быть трудным. И что же на их запрос ответил ваш отец?

— Взял время на раздумье и обсуждение вопроса с парламентом, — без утайки ответила Луиза.

— Возможно, я не до конца понимаю его мотивацию, но мне казалось, что ваш отец хочет остаться самостоятельным игроком и лично определять курс государства.

— Не лично, а с советниками, — на всякий случай уточнила Луиза. — Но после объединения и возрождения Римской Империи мы не хотим терять свою независимость и достоинство. Слишком дорого они нам обошлись.

— Значит, решение будет принято не раньше, чем завтра, — кивнул я, вычленив для себя главное. — Благодарю.

— Если вы хотите повлиять на решение, а не просто реагировать на него, действовать нужно прямо сейчас, — возразила Тереза, чуть вздёрнув подбородок.

Такое замечание заставило меня нахмуриться. Я и вправду не подумал о том, что могу как-то изменить решение императора Германии. Но даже если предположить – в голову совершенно ничего не лезло. К счастью, я не один и даже если чего-то не понимаю, всегда могу обратиться за помощью к специалистам.

— Благодарю, ваше высочество. Прошу вас подождать в приёмной минут десять, — сказал я и проводил взглядом девушку, кивнувшую в ответ. После чего набрал несколько номеров. — Маша, можешь зайти?

— Сейчас? — уточнила супруга, в кои-то веки решившая сама уложить дочку. — Хорошо, через минуту.

К тому моменту, как она пришла, я уже включил видеоконференцию с Багратионом и Петром.

— Жаль вас отрывать, но вопрос срочный, — обратился я разом ко всем. — Тереза только что сообщила, что её отцу поступил запрос на проход флота ЕМ над Балтикой.

— Ну, мы к этому готовились, — подбравшись, казал Морозов. — Линкор в полном порядке и может выступать хоть сейчас.

— Решение пока не принято, и разрешение Вильгельм не давал. Пока что, — уточнил я. — Принцесса намекнула, что мы как-то можем на него повлиять, вот только я не соображу, как именно.

— Ты уверен, что она именно об этом намекала? — с усмешкой спросила Мария. — А не о том, что готова ради тебя даже сливать государственные тайны.

— Об этом я и сам подумал, но это всё-таки разные вещи.

— В таком случае стоило бы попробовать организовать переговоры с немцами, — высказал идею Леонид.

— Только вот доверенные дипломаты у нас в Анкаре. А отправлять неизвестно кого нельзя, — покачал я головой.

— Ну так отправьте тех, кому доверяете, — не раздумывая ответил Багратион.

— Одного из вас? А если это ловушка?

— Вы украли мои слова, — улыбнулся Леонид. — Отправлять Петра Николаевича нельзя, он одна из главных ударных сил России. Меня — не стоит. Я, может, и найду общие темы для разговора с их представителем, да только все знают специфику нашей работы и будут воспринимать все мои слова как ложь или манипуляцию.

— Остаются только Мария и я сам, — проговорил я и поморщился.

— Ни у тебя, ни у меня нет должного опыта в переговорах. — неожиданно возразила первая супруга, хотя мне казалось, что она ухватится за эту возможность, чтобы проявить себя. — Мало того, ты, дорогой, ещё и в этикетке ничего не смыслишь. И не раз это уже показал на практике. На приёмах это ещё простительно, на официальных переговорах может привести к катастрофе.

— Вряд ли они будут так уж строги ко мне, если хотят дальнейшего сотрудничества, — сказал я, скрестив руки на груди.

— Если бы они были так позитивно настроены, то и переговоры бы не понадобились. Да и самого варианта, при котором они откроют своё небо для прохода флота, просто не возникло бы, — возразила Мария.

— Государь должен заботиться о своём народе, — спокойно сказал Пётр. — Так что император Вильгельм сделает то, что должен, во благо своей страны. Мы же должны показать, что сотрудничество отвечает нашим общим интересам.

— И что мы ему можем предложить? — постучал я пальцем по столу.

— Кроме очевидного? — улыбнулся Морозов.

— Да, с ресурсами всё понятно, не обязательно воевать, чтобы получить ресурсы. Мы можем сделать на них скидку, — предположил я.

— Я имел в виду ваш брак, — хмыкнул Пётр Николаевич. — К слову, принцесса вполне могла передать эту новость именно с целью его ускорения.

— Могла, — поморщившись, кивнул я.

Не скажу, что упорство Луизы мне неприятно. Люблю целеустремлённых женщин, ничего не могу с собой поделать. Но в то же время, у меня одна такая уже есть, и в периоды её плохого настроения приходится либо подправлять ей ауру и энергетический баланс, что не слишком хорошо для её развития, либо терпеть и отстраняться. К тому же Тереза, хоть и живёт с нами, скорее знакомая, чем подруга. А уж на любовь наши отношения тем более никак не тянут.

Да и страсти между нами нет. В этом плане всю мою сексуальную энергию забирает на себя Ангелина, неугомонная и ласковая. А когда копится негатив, мы преобразуем его вместе с Марией.

— Так или иначе, мы можем выслать свои предложения. Ну, скажем, рассмотреть сотрудничество в Балтийском море и ограничение судоходства для третьих стран, — продолжил Пётр. — Возможно, придётся туда же привлекать Норвегию и Швецию. К нашему счастью, они пока в ЕМ не вступили.

— Зато плотно состоят в Лиге Наций и зависят от поставок общества Теслы, — напомнил Багратион-старший. — Если мы создадим такой союз, а на них надавят, он обернётся против нас, и все усилия пойдут прахом.

— А кому война между нами и Османской империей невыгодна? — спросил я, обедая взглядом всех собравшихся.

— Боюсь, ваше величество, что никому, — развёл руками Леонид. — Халифат давно и безнадежно болен, но при этом достаточно велик. Наземных войск, природных ресурсов и территорий у него довольно. А ослабить нас — значит сделать податливыми и управляемыми. Даже если не захватить, получать всё, что им нужно, значительно дешевле.

— А кому невыгодно, чтобы мы выиграли эту войну?

— Всем, — жёстко ответил Пётр. — Наше дополнительное усиление пошатнёт и без того ослабшую власть европейских домов в Азии.

— Индия, — неожиданно сказала Мария и, когда все повернулись к ней, уточнила: — Им невыгодно наше ослабление. Даже если считать их с Китаем нейтральными, мы уравниваем их внешнюю политику. Ослабнем мы, ввяжемся в войну — ЕМ с новыми силами вторгнутся в большую Азию. Это ударит по Индии, а если она совсем потеряет хватку — уже Китай не станет стесняться.

— В результате страну разорвут на куски сразу после нас... — задумчиво проговорил Пётр, а затем кивнул. — Молодец, дочка. Мыслишь верно.

— Но и Китаю наше ослабление не сильно нужно, — после паузы отметил я. — У нас сейчас налажено технологическое сотрудничество. Это Европе нам нечего предложить в обмен

на ресурсы, кроме своей пропаганды, а с восточными соседями у нас налажена взаимовыгодная торговля.

— Ну, вы скажете – ничего, — хмыкнул Пётр. — Всё же мы сами – Европа, у нас с ними много связей. И культура, выросшая из античной Греции, и традиции, перенимаемые Романовыми сотни лет.

— Это мы всё можем получить даром, для этого они не нужны. Суда? У нас свои, не хуже. ПВО и БМП? Тоже. Электронику в Европе почти не выпускают, а та, что выпускают – либо чрезвычайно дорогая, либо уступает нашей по качеству. Продукты питания поставляем мы: крупы, мясо... С вводом в строй северных мегатепплиц овощи тоже станут у нас куда дешевле.

— Но есть же ещё бытовая техника, гражданские машины, — заметил Леонид. — То, что нашим автопроизводителям никак не даётся, за исключением премиальных моделей для аристократов. Но их выпускают десятками, а не тысячами.

— Это значит, что надо пнуть Лазарева или вообще выпнуть, если он и с этой задачей не справится, — поморщившись, ответил я.

— Грузовики, в том числе для малых нужд, у нас вполне неплохие, — словно в оправдание министру промышленности заметил Пётр. — Лучше и дешевле европейских.

— Но граждане-то передвигаются в основном не на них, — покачал головой Багратион.

— Ладно, это вопрос не сегодняшнего дня. Всё, что поставляет Европа, мы можем либо заменить своим, либо китайским, либо отказаться без особых потерь для экономики, — решил я закончить пустой разговор, который надо было проводить с главами купеческих гильдий и промышленниками.

— Ну, насчёт автомобилей всё же стоит подумать. В Германии их тоже производят, причём больше, чем в остальных странах Лиги, — напомнил Леонид. — Если рассматривать торговое соглашение, то можно сделать на этом отдельный акцент.

— Это задача на будущее, и с Балтикой она никак не связана, — пожав плечами, сказала Мария. — Просто ещё один факт в копилку хороших отношений.

— Хорошо, впишем как один из пунктов. Но главное – кто и как сможет повлиять на императора. Если бы речь шла о ком-то другом, мог бы возникнуть вопрос, но, учитывая, что мы говорим о Вильгельме, думаю, логичнее всего попросить о помощи саму Луизу, — после короткой паузы предложил я.

— Боюсь, что из этого ничего не выйдет, ваше величество, — покачал головой Леонид. — Даже если она согласится, а этого не произойдёт. Как вы верно заметили, она его дочь и могла бы быть вашим представителем лишь в одном случае – если станет вашей супругой.

— Тогда бы и вопроса не возникло, — кивнул Пётр.

— Так что вам придётся выбрать кого-то другого. И сегодня же. Иначе они смогут педагогизировать обсуждение в парламенте и принять невыгодное для нас решение, — продолжил Багратион. — При этом должен быть соблюден как уровень делегации, так и её компетентность, что в наших условиях почти невозможно. Слишком многие сбежали, сидят или мертвы. И часть вины за это лежит на моём ведомстве.

— Потрясающе... — вздохнул я, прикрыв глаза.

В этот момент в дверь постучали.

— Войдите.

— Прошу прощения, ваше величество, но в приёмной ожидают принцесса Линью и принц Акбар вместе с его наставником, — доложил Василий.

— Ну, конечно, — хмыкнул я, враз отбросив переживания и сомнения. — Прошу прощения, господа, придётся перейти только на звук. Позови их всех.

— Всех? — чуть удивлённо спросил Строгонов, но, когда я кивнул, без всяких сомнений вышел в приёмную

Через несколько секунд дверь снова открылась, и в кабинет вошли сразу несколько венценосных особ и Айо. Последний умиротворённо улыбался и без всякого стеснения подошёл к самому дальнему креслу и сел.

Тереза на это чуть вздёрнула бровь, хоть и знала его как наставника принца и признанного мастера, достигшего просветления и бессмертия души. Всё же у неё этикет был в крови, а вот брахман такой мелочью, как церемонии других королевств, не заморачивался. Ведь в этой жизни он понял всё, и что бы ни произошло, уже достроил свою лестницу в небеса.

— Прошу вас, присаживайтесь, — чтобы не развить неловкую ситуацию, я сделал приглашающий жест рукой. — Похоже, брахман Айо пришёл чуть раньше, чем следовало, но тем самым подсказал мне выход из ситуации.

— Я лишь понял, где моё место в это время, — с улыбкой ответил он, разведя руками. — Пусть остальное решит судьба.

— Ну да, конечно. Если мне нужно будет перейти перевал с разбойниками, их там не будет, — кивнул я, когда остальные сели в подготовленные кресла. — А что насчёт вас, ваше высочество? Или вас позвали с собой?

— Не буду скрывать, мне намекнули, что моё появление будет желательно, — чуть улыбувшись ответила Линью, к которой я обращался.

— Ох уж мне это провидение... Впрочем, всё верно. Её императорское высочество Луиза-Тереза Бурбон, принцесса Германии, передала мне тревожные новости, которые подтолкнули меня к мыслям о том, что раньше мне в голову не приходило. Долгосрочный союз стран, которым выгоден мир и процветание Российской империи.

Китайка чуть заметно подняла бровь, ведь мы и так заключили множество соглашений, правда, в основном технологических и торговых. Индус легко и искренне улыбнулся, ведь союз, по которому Ангелы были переправлены на его родину, состоялся всего неделю назад. Но больше всех нахмурилась Тереза.

— И как сосед, который может повлиять на мировую политику, и как поставщик ценных и уникальных ресурсов, и как союзник, который может стабилизировать военный паритет, — продолжил тем временем я, — Россию можно рассматривать по-разному. Но каждый из вас является представителем страны, которая лишь выигрывает от сильной и мирной империи.

— Вы хотите сформировать союз? Сейчас? — удивлённо спросила Ли Линью.

— Альянс, — кивнул я. — Который должен стремиться к сохранению мира. Или, по крайней мере, к нераспространению войны. К удержанию её в строгих рамках.

— Вы же понимаете, что мы не можем заключать столь важные соглашения от имени наших стран? — чуть поджав губы, спросила Тереза.

— Я могу, — легко улыбувшись, сказал индус. — Перед отлётом отец дал мне такое разрешение. А ваше недавнее честное и благородное деяние в очередной раз доказало правильность этого выбора.

— Увы, не могу сказать подобного о себе, — замявшись, проговорила Ли Линью. — Мне нужно встретиться с Комитетом Благополучного Будущего и получить от них разрешение.

— Я не стану вас торопить, — чуть разведя руками, ответил я. — Но если мы, пусть даже не создадим альянс, а просто договоримся о минимальном сотрудничестве, которое сможет вылиться во что-то большее позднее, то объединим около трети населения Земли, половину военного флота и четверть суши, неподвластной Пожирателю.

— Чего вы хотите от нас? — спросила Луиза, которую мои слова выбили из равновесия, но не заставили потерять самообладание.

— Только того, что вы сделали бы и сами: свяжитесь со своими правителями. Передайте им моё рамочное соглашение и готовность к переговорам для уточнения конкретных пунктов и условий. Если они окажутся заинтересованы, то дадут вам соответствующие полномочия. Ну или пришлют тех, кто ими обладает.

— Это будет несложно, — вновь кивнул индийский принц.

— Мне нужно пару дней для консультаций, и после я смогу дать ответ, рассматривает ли наше правительство такую форму сотрудничества, — сказала китаянка. — Но вы должны понимать, что это должно быть равноценное сотрудничество. Как по вложениям средств, сил и времени, так и по отдаче.

— Уверен, мы сумеем договориться, если захотим этого, — ответил я.

— Ваше императорское величество... а как же прежде заключённые соглашения? — посмотрев мне прямо в глаза, спросила Тереза, явно намекая на союзный договор, подписанный после спасения её семьи в Берлине. Да вот только император чуть ли не подтёрся им в Софии. И я даже не знал, что это: намёк на то, что мы его игнорируем, напоминание о том, что он двусторонний, или...

— У России, и меня лично, заключены соглашения, которые и впредь будут исполняться с нашей стороны полностью. А заключение Евразийского альянса закрепит их и распространит на большее количество стран. Если вы того пожелаете.

— Прежде чем говорить о чём-то подобном, не нужна консультация, — куда уверенней сказала Линью.

— Как я уже сказал, предложение открытое. И время для его принятия и обсуждения у вас есть. Если за то время, пока оно не принято, произойдут какие-то существенные изменения, например, России придётся вступить в войну, мы не будем требовать от вас каких-то действий вне прежних договорённостей.

— Благодарю за уточнение, — с едва заметным облегчением сказала Линью.

— А если прежние договорённости окажутся нарушены или не исполнены в полном объёме? — спросила Тереза, которую явно что-то тревожило.

— В таком случае мы это будем учитывать по окончании боевых действий. А уж что-что, а с Османской империей мы справимся, — спокойно ответил я.

— Особенно если мы начнём более плотно сотрудничать в технической сфере, — улыбнулась Линью.

— И наши одарённые пройдут инициацию в России, — кивнул индус. — Наша подготовка достаточна для получения шестой-пятой ступени, не хватает лишь резонаторов и обучения в ваших академиях.

— Алмазов хватит на всех, — кивнул я, принимая такие условия. В самом деле, если мы разом получим пару тысяч наставников, раскрывших чакру души, я смогу закончить обучение всех передовых отрядов за два-три месяца. Мы даже сможем не считаться с гигантскими энергопотерями для полётов.

— Я передам всё отцу, — чуть склонила голову Луиза.

— В таком случае более вас не задерживаю, ваши высочества. Желаю хороших переговоров, — поклонился я в ответ и, дождавшись, когда они уйдут, посмотрел на качающую головой Марию. — Что?

— Знаешь, дорогой, иногда ты такой толстокожий и слепой, что прямо диву даёшься, — вздохнула первая супруга. — Ты же понимаешь, чего она хотела добиться?

— Более тесного сотрудничества между нашими странами?

— Скорее, между вами двумя, — покачала головой Мария. — Впрочем, какая уже разница. По крайней мере теперь она вовлечена в это всё по самую маковку. Игнорировать просьбу одного императора, сказанную в адрес другого императора, да ещё и в присутствии двух других венценосных особ никто не станет.

— А ещё вы только что начали заключение самого мощного и опасного альянса в истории, — напомнил о себе Пётр Николаевич, и я вновь включил видеотрансляцию.

— Именно, — отозвался Багратион. — Слишком опасного. Боюсь, нам не дадут его заключить никаким способом. Вплоть до того, что начнут войну сразу после объявления о переговорах. А о них узнают, будьте уверены.

— Войну? Не хотелось бы, — поморщился я. — Цель альянса, наоборот, избежать крупномасштабной войны всеми доступными средствами.

— Поэтому орден Ангелов императора будет уничтожать англо-французские суда в воздушном пространстве Индии. Поэтому наш флот стоит в Стамбуле, — с едкой усмешкой перечислил Леонид. — И поэтому вы недавно убили одарённого второй ступени – представителя английской аристократии, учившегося в Лондоне.

— Вы что-то выяснили о моём противнике?

— Это уже не так важно, но да. Абдул Ибн Шамин, наследственный аристократ, чей дед был великим визирем при халифе. Одарённый стихии камня, но это вы, наверное, и сами догадались. Личный ученик принца Уильяма и герцога Йоркширского. Между второй и первой ступенью. Весьма выдающийся юноша. Был.

— И, вероятно, претендовал на роль нового визиря. Только вот не сумел достичь своей цели, — заметил Пётр Николаевич.

— И не смог бы, — фыркнула Мальвина, явно довольная тем, что её муж сокрушил врага.

— Боюсь, это спорный вопрос, ваше величество, — пожал плечами Багратион. — Он не был готов к бою с вами...

— А вот тут я не согласен. Он был готов и ещё как, — прервал я главу внешней разведки. — Он знал мои трюки, приёмы, даже силы. И если бы бой пошёл хоть немного иначе, сейчас мы бы с вами не разговаривали.

— Плохо, — помрачнев, произнёс Багратион. — В таком случае дальше будет куда хуже. Он был силён, с этим никто не спорит. Но между первым и вторым рангом. Не нулёвка. Не вне категорий. А у противника и таких хватает. И после такой угрозы их гегемонии Европейская Монархия вполне может пойти на крайние меры. А со сколькими одарёнными вне категорий вы справитесь? С одним? А с двумя одновременно?

— Даже с одним вряд ли, — честно признал я. — Разве что он будет меня недооценивать.

— Увы, эта наивность осталась в прошлом, ваше величество, — покачал головой Леонид. — И нам всем нужно готовиться к тому, что грядёт.